

VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

Игумен Петр (Мещеринов)

(Свято-Данилов монастырь, Москва)

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ: ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ

Говоря об экклезиологии, невозможно не отметить то обстоятельство, что Православная Церковь не имеет точных догматически исчерпывающих определений, что же такое, собственно, Церковь. Церковь самую Церковь воспринимается как данность, но эта данность не подверглась всесторонней богословской рефлексии. В эпоху Вселенских Соборов в центре богословского внимания были тринитология и христология. По окончании эпохи Вселенских Соборов вопросы экклезиологии также не находились в центре внимания церковной мысли. Богословская непроработанность экклезиологии не является только лишь теоретическим вопросом: она ставит перед нами вполне практические проблемы, которые, на мой взгляд, не позволяют современному церковному сознанию отвечать в должной мере на вызовы времени.

Чтобы разобраться в этом, нужно хотя бы в общих чертах определить, что такое подлинная церковность.

Всякое явление мира сего чревато смертью. Всё природное рождается, развивается до некоей полноты, затем проходит и умирает. Имеет свой конец жизнь человека и общества; перестают существовать империи, отмирают парадигмальные социально-общественные формы; разрушаются произведения искусства, и т.д. Всё, что коренится в стихиях мира сего, подвержено страданиям, болезни и смерти. Церковь – единственное явление на земле, вектор которого ровно обратен: не от рождения к расцвету, а затем – к угасанию и к смерти, а через умирание и смерть (и смерть крестную) – к рождению в вечную жизнь. Благодатью Христовой Церковь изымает человека из-под детерминированной власти падшего мира и уже здесь, в этой земной жизни, поставляет человека пред Христом, переводит его существование из земного модуса в небесный, так что христианин, существуя бренным образом на тленной земле, уже вкушает – конечно, точнее сказать «предвкушает», как сквозь тусклое стекло, гадательно (1 Кор. 13, 12), но вместе с тем совершенно реально – Царство Божие, пришедшее в силу (Мк. 9, 1).

Подлинная экклезиологичность, как утверждал выдающийся богослов XX века протопресвитер Александр Шмеман, всегда эсхатологична. Особенность этой эсхатологии в том, что она совершится не в конце времён, но осуществляется для христианина уже здесь и сейчас. «Церковь – это присутствие во времени, в истории святого и священного, но не по принципу дихотомии "священное – профанное", а по принципу эсхатологическому – для возможности всё во времени и в истории относить к Царству Божьему... Жизнь (Церкви. – и.П.) всегда "сокрыта со Христом в Боге" (Кол. 3, 3), живёт она подлинно не историей, а Царством Божиим»¹. «Ранняя Церковь побеждала только эсхатологической радостью, несомненностью – для себя – опыта Царства Божия, "пришедшего в силу", ощущением, видением "зари

¹ Прот. Александр Шмеман. Дневники. М. 2005, стр. 124.

таинственного дня"... Церковь живёт не "церковью", не "религиозной редукцией" (организация, клерикализм и т.д.) и не "миром",... а Царством. Она есть – таинство Царства... Церковь живёт Царством Божиим, в этом её жизнь, действительно собственная, ни к чему в мире не сводимая. Этот опыт Царства Церковь призвана нести миру, и это... значит – в реальность»². «Царство Божие есть цель истории, и Царство Божие уже сейчас "посреди нас", "внутри нас" есть... Христианство есть единичное историческое событие, и христианство есть присутствие этого события в настоящем – как завершение всех событий и самой истории. И чтобы это было так, только для этого нужна, только в этом – Церковь, её "сущность" и её "смысл"»³.

По глубокому убеждению прот. Александра Шмемана суть Церкви заключается в соотнесённости Царства Божия, пришедшего в силе (Мк. 9, 1) и земного существования. Но такая соотнесённость есть явление исключительно религиозное⁴. Подлинная экклезиологичность есть поэтому сфера именно религиозного – а именно полагания смыслов, целей и мотиваций всей жизни исключительно в Царстве Христовом, которое не от мира сего (Ин. 18, 36) (что вовсе не исключает активной деятельности на земле; речь идёт об иерархии ценностей).

Когда в силу разнообразных процессов (которые нужно обсуждать отдельно) цели, смыслы и мотивации православных христиан, составляющих церковную общину, из этой религиозной сферы смещаются, то Церковь тут же подпадает действию смертоносных стихий падшего мира, и экклезиологическое сознание в практической церковной жизни меняется. Под Церковью – Царством не от мира сего, которое приходит в нашу жизнь, срастворяется с нею, одушевляет её, – в силу нерелигиозности, посяторонности целей и мотиваций начинают пониматься вещи вполне земные. Вследствие этого в мировоззрении и жизни многих церковных людей религиозное содержание отводится на второй план, церковное самосознание делается нерелигиозным, превращаясь в идеологию, и Церковь начинает терять себя как неотмирное Тело Христово, всё более и более становясь только лишь политическим, общественным, культурным и хозяйственным явлением.

Основание для такой подмены следующее. Церковь по сути – иноприродное явление для мира сего. Вместе с тем земной своей частью она существует в этом мире и исторически в нём прочно утвердилась. Результатом такого встраивания в мир явилось не только влияние Церкви на социум и культуру – влияние, несомненно, драгоценное, благотворное; но и то, что из повседневного церковного существования собственно религиозность (как неотмирность) ушла как минимум на второй план. С этим, очевидно, и связана непроработанность экклезиологии – эта проблематика не чувствовалась на практике (известно, что Вселенские Соборы обсуждали не заранее запланированные темы, а отвечали именно на вызовы времени, колебавшие те или иные устои веры); а это нечувствие, в свою очередь, происходило от того, что Церковь, капитально разместившись в падшем мире, перестала отчётливо осознавать и переживать своё эсхатологическое измерение (стремление же пребывать именно в таком практическом чувствовании Церкви как эсхатологии вызвало к жизни монашество). Следствием всего этого и явилось постепенное истончение религиозного сознания и подмена его сознанием нерелигиозным, что привело к тому, что повседневное ощущение Церкви, практическая экклезиология многих христиан в той или иной мере лишилась религиозного ощущения, религиозного мировосприятия как такового.

Мы называем это секуляризацией. Не нужно тратить много слов на доказательство того, что история человечества, по меньшей мере с эпохи

² Прот. Александр Шмеман. Дневники. М. 2005, стр. 141-142.

³ Прот. Александр Шмеман. Дневники. М. 2005, стр. 483.

⁴ Ср. Прот. Александр Шмеман. Дневники. М. 2005, стр. 58, 219, 372-373 и др.

Средневековья, представляет собой как раз процесс секуляризации. Обычно в этом мы обвиняем какие-то внешние силы. Но никакое коварство внешних сил не ответит нам на вопрос – почему Вселенская Церковь постоянно утрачивала свой духовный иммунитет так, что от неё отошла сначала западная половина, затем раскололась и она, а затем от христианства стали отпадать массы людей. Я не буду говорить о процессах этого рода в западной части Церкви, а обращаю ваше внимание на один существенный фактор, влияющий на искажение экклезиологического сознания, который уже много веков свойственен Православию.

В византийское время Церковь отождествилась с Империей. Православный – значило (не в высоком богословии конечно, а в практическом экклезиологическом ощущении) ромей, византиец. Затем, в Новое время, Церковь, строящаяся изначально по территориальному принципу, отождествила себя с той или иной нацией. Такое отождествление исторически оправдано; и если оно осознано как относительное и педагогическое, то оно вполне может плодоносить в культурной, социальной, пастырской сфере церковной деятельности. Но как только относительность этого фактора перестаёт сознаваться, тут же наступают огромные экклезиологические проблемы. Для греков, сербов, русских Православие из вселенской Христовой истины превращается во вполне земную национальную традицию прежде всего⁵.

И, на мой взгляд, именно это обстоятельство и является одним из важнейших для нас вызовов времени. В разбитом на нации Православии стали происходить именно те процессы, на которые я указал выше. Православная неотмирная экклезиология Христа подменяется – не в учебниках богословия, а на уровне мыслей и чувств немалого числа православных христиан – земной псевдоэкклезиологией государства, нации, народа как такового. Православная Церковь начинает восприниматься как нечто служебное для государства; целеполагание и смыслы в рамках такой системы взглядов – не осуществление возможностей богообщения во Христе для людей (что и есть единственная задача для институциональной земной Церкви), а служение политическое, идеологическое и хозяйственное.

Этот процесс имеет вполне просматриваемые этапы. Не любите мира, ни того, что в мире (1 Ин. 2, 15), заповедует Апостол. Осознавая себя христианами, но вместе с тем подпадая под неправильную экклезиологическую идеологию, православные люди изымают в своих головах и сердцах свою нацию и государство из падшего мира – как будто жительство на определённой территории с определённой историей само по себе является гарантией подлинной церковности и делает людей Христовой Церковью. Сугубо экклезиологические понятия – такие, например, как соборность – незаконно расширяются и распространяются на весь народ, независимо от состояния его веры и нравственности. Библейский «народ Божий» отождествляется с «народом как таковым». Из практической экклезиологии вымывается евангельская нравственность, ибо под понятие «хорошо» подводятся теперь не Евангельские заповеди, направленные на личности других людей, а польза и величие государства, «верность историческим традициям», каковы бы он не были с точки зрения Евангелия, ура-патриотизм и т.п. Второй этап, вполне естественное следствие из всего этого – обожествление нации и государства и перенос экклезиологического сознания с Христовой неотмирности уже всецело на них.

---

⁵ Проф. Дворкин в своих «Очерках по истории Вселенской Православной Церкви» (Нижн. Новг., 2005, стр. 890-891) приводит сведения о том, что в 20-х гг. XX века Кемаль Ататюрк имел намерения создать Турецкую Православную Церковь, что вызвало отчаянное сопротивление греческого священноначалия, которое препятствовало миссионерской работе среди турок вплоть до прещений и анафематствований в адрес миссионеров.

В результате этого – и я перехожу уже к чисто практическим сегодняшним вещам – Церковь не может действовать как должно, отвечая на вызовы времени. Подлинная экклезиология обращает внимание прежде всего на спасение личности во Христе. «Критическая масса» таких христианских личностей, которые, живя на земле, все свои цели и всю свою мотивацию полагают в искании грядущего града (Евр. 13, 14), которого художник и строитель – Бог (Евр. 11, 10), оказывает церковное – нравственное и духовное – воздействие на социум, насколько это возможно в том варианте падшего мира, в котором нам судил жить Господь. Такая экклезиология очевидно служит Христу прежде всего. Ложная же экклезиология служит иным господам (Мф. 6, 24) – нации и государству, и тем объективно секуляризирует Церковь, делая её заложником политических случайностей, текущей идеологии и наличного нравственного состояния народа⁶.

Я бы хотел обратить ваше внимание на этот момент. Активно выступая против секуляризации, Церковь, к сожалению, немногого добивается. Отчего так? Именно, на мой взгляд, оттого, что сама современная церковная жизнь фактически протекает как раз в секулярной парадигме. Мы основываем борьбу против секуляризации на том, что одно государство, одна нация, одна культура духовнее и традиционнее других государств, наций и культур. Схематично говоря, соотношение «духовное – недуховное», «церковное – секуляризированное» в нашем сегодняшнем практическом экклезиологическом сознании проходит по линии «одна (наша) цивилизация – другая (чужая) цивилизация». Но всё дело в том, что с точки зрения Евангелия и подлинной церковности вообще всякая земная цивилизация – всего лишь варианты одного и того же одинаково падшего мира, который лежит во зле (1 Ин. 5, 19). На самом же деле водораздел проходит по линии «Церковь – Царство не от мира сего / Церковь – часть царства мира сего».

Вот великий вызов и великое вопрошание сегодняшней православной экклезиологии, от ответа на которое зависит и постановка вопросов в главной теме нашей конференции. Жизнь во Христе – это предначатие при помощи Церкви для человека Царства Небесного или противопоставление другому стилю, другой культуре жизни в исключительно земном измерении? Христос, являемый в Своей Церкви – главная, единственная, исключительная ценность или Церковь – всего лишь традиционная часть народной жизни, часть государственных, геополитических и идеологических ценностей? Церковь служит Христу в своём народе, или она служит просто своему народу в его земной жизни? Христианство секулярно или гонимо – по сути своей, пусть и не физически гонимо? Православная Церковь вселенская и неотмирная – или она, превратившись в узкую субкультуру, обслуживает сиюминутные идеологические нужды своих наций и правительств?

Все эти вопросы отнюдь не умозрительны. Как мы будем практически решать стоящие перед нами накопившиеся церковные задачи? Методология этих решений, на мой взгляд, лежит именно в плоскости истинной или ложной экклезиологии. Если мы служим и поклоняемся Святой Руси – это один вектор церковной деятельности. Если же мы стараемся исполнять заповедь Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи (Мф. 4, 10) – совсем другой.

Всё сказанное – не призыв к отказу от социальной деятельности. Церковь несомненно должна и будет всеусиленно трудиться и в социальной, и в культурной, и во всех сферах жизни нашего общества. Но наша церковная и церковно-общественная работа должна исходить из правильных экклезиологических оснований, когда Богу отдаётся Божие, а кесарево – кесарево (Мф. 22, 21). Церковь не может воздавать кесарю божеские почести, а Богу угождать кесаревыми

---

⁶ Ярким примером того, как экклезиология делается заложником национализма, является, на мой взгляд, сегодняшняя церковно-общественная ситуация на Балканах.

методами. Все проблемы, неизбежно возникающие в земном бытии Церкви, должны решаться иномирным, евангельским путём – Господь ведь сказал нам: между вами да не будет так (Мф. 20, 26), как у князей народов... Это потребует от нас больших нравственных и духовных усилий; но их невозможно аккумулировать в рамках неверной экклезиологии.

В качестве руководства для правильного понимания и осуществления внешней деятельности Церкви может послужить церковный документ, выражающий как раз подлинно религиозное экклезиологическое мировоззрение – «Основы социальной концепции РПЦ». То, что этот документ не оказывает почти никакого влияния на нашу наличную православную действительность, то, что им в очень незначительной степени руководствуются в сегодняшних, порой ожесточённых, внутрицерковных спорах – напр., о формах миссии, об оценке нашей истории и проч., – убедительное доказательство тех проблем в нашем церковном сознании, о которых я говорил выше.

Итак, в заключение повторю основную мысль. По моему представлению, самая большая стоящая перед нами проблема – это размывание в нашей практической экклезиологии собственно религиозного христианского мировосприятия, следствием чего является секуляризация церковной жизни, выявляющаяся, помимо прочего, в отсутствии ясного видения, что секулярна отнюдь не только одна часть мира, отличающаяся от русской цивилизации ментально, культурно и социально, но и весь, в том числе и православный, и русский, мир... Экклезиология от мира сего – вот, на мой взгляд, главный вызов нашего времени и главное препятствие для подлинной православной жизни во Христе.